Долгова Юлия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: YIDolgova@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ФАКТОРЫ, ПАРАМЕТРЫ, ПРОБЛЕМЫ

В статье выделяются факторы и параметры трансформации общественно-политического телевизионного вещания в постсоветской России с целью последующего анализа изменений, произошедших в данном тематическом сегменте, и его современного состояния. Общественно-политическое телевещание является знаковой частью современного телевизионного эфира, однако редко становится предметом изучения в научной среде, а в публицистике подвергаются критике его особенности, унаследованные с советских времен. На взгляд автора, критика – явление деструктивное. Изучение трансформаций, произошедших с общественно-политическим телевещанием, позволило бы выработать сбалансированный подход к анализу явления, определить направления его исследования и совершенствования. В статье рассматриваются наиболее известные модели коммуникации, нормативные теории и компаративистские исследования (Лассуэлл; Сиберт, Шрамм, Питерсон; МакКуэйл; Халин & Манчини; Норрис). В результате выделяются параметры, характеризующие структуру и содержание общественно-политического вещания, способы влияния на него, возможные медиаэффекты, профессиональные качества журналистов. Аудитория должна, по мнению автора, рассматриваться как активный субъект, не только воспринимающий информацию, но и влияющий на контент.

Ключевые слова: *общественно-политическое телевещание, телевизионная пропаганда, российское телевидение, повестка дня, медиасистема.*

Yulia I. Dolgova, Associate Professor at the Chair of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: YIDolgova@gmail.com

TRANSFORMATION OF SOCIO-POLITICAL TELEVISION BROADCASTING IN THE POST-SOVIET PERIOD: FACTORS, PARAMETERS AND CHALLENGES

This paper identifies the factors and parameters of the transformation of socio-political television broadcasting in post-Soviet Russia in order to subsequently analyze the changes that have taken place in this thematic segment, as well as its modern condition. Socio-political television broadcasting is a flagship part of modern television airtime. However, it rarely becomes a subject matter for scholars while the press often criticizes it for the drawbacks inherited from the

Soviet times. The author believes that regular criticism is a destructive phenomenon. An analysis of factors and parameters of the transformations that have affected socio-political television broadcasting would make it possible to set out a balanced approach and find the ways to examine and improve it. To analyze the possible parameters of the transformation, the author uses in the paper the most well-known communication models, normative theories and comparative studies (Lasswell; Siebert, Schramm, Petersen; McQuail; Hallin & Mancini; Norris). As a result, several groups of parameters are distinguished which are supposed to describe the institutional structure wherein socio-political broadcasting occurs; journalists' professional qualities; the content of this thematic segment; forces and ways of influence on it; feasible media effects. In the author's opinion, the audience should be viewed as an active subject, which not only perceives information but also influences content.

Key words: *socio-political television broadcasting, television propaganda, Russian television, agenda, media system.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2018.6282

Проблемы анализа общественно-политического телевещания

Общественно-политическое телевещание остается знаковым тематическим сегментом в современной медиасистеме. Даже прайм-тайм российских универсальных телеканалов программируется с учетом значительного количества общественно-политических проектов в отличие от западного коммерческого телевидения (например, Esser at al, 2012). Новости и политические передачи показывают рейтинг, свидетельствующий об их востребованности у телевизионного зрителя. Вместе с тем данный тематический сегмент остается малоизученным.

Исследований, посвященных современному общественно-политическому вещанию, немного: очевидно, авторы не берутся за столь идеологически детерминированную сферу, опасаясь обвинений в необъективности. Достаточно традиционной остается критическая парадигма: авторы по большей части обращают внимание на маркеры пережитков советской системы на современном телеэкране. Данное направление особенно актуально в публицистике, но встречается и в научной литературе (например, Карпова, 2010). Другим направлением исследований оказывается анализ последствий коммерциализации общественно-политического сегмента: упрощение предоставляемого контента, подача его в максимально сенсационной форме, подмена объективного информирования мелодраматической популяризацией общественно-политических событий (например, Новикова, 2008; Ильченко, 2016). Эта тенденция

является закономерным продолжением западной критики, которая негативно оценивает влияние коммерческого вещания на его общественно-политический сегмент (например, Dahlgren, 1995; Franklin, 2004). Данный проблемный аспект был невозможен в условиях общественно-политического телевещания советского периода и стал приметой телевидения постсоветского времени. Исследовательских работ, посвященных структуре и функционированию изучаемого сегмента, совсем мало (например, Бережная, 2010; Гуленко, 2016). Данное направление имеет высокую практическую и теоретическую значимость, так как позволяет выработать новые коммуникационные решения в политической сфере, что небезразлично для улучшения качества демократии в России.

По мнению автора, сформировать сбалансированное отношение к общественно-политическому сегменту советского телевидения помог бы анализ произошедших с ним перемен.

Сложность подбора параметров для анализа изменений, да и текущей практики телевизионной политической журналистики связана с отсутствием среди исследователей концептуального согласия. Как отмечает Норрис, спорной темой стала роль средств массовой информации в развитии демократии, нормативные стандарты, которым они должны соответствовать, а также возможность реализации этих стандартов на практике. Должны ли СМИ устанавливать повестку дня, привлекая внимание публики к насущным проблемам, служить источником мягких новостей для максимально широкой аудитории; обязан ли журналист сохранять нейтралитет или может занимать критическую позицию по отношению к власти в условиях внутриполитического или внешнеполитического кризиса в стране? (Norris, 2011). Эти и другие вопросы требуют не только глубокого анализа, но и постоянного обсуждения в профессиональной среде.

Проблематичность применения нормативных концепций для телевидения обусловлена суггестивными его возможностями, от использования которых мало кто может отказаться по доброй воле. Именно телевизионный контент усваивается наиболее легко, некритично и эмоционально (Борецкий, 2003).

Таким образом, объектом исследования данной статьи является общественно-политическое телевещание, предметом – факторы и параметры его трансформации в постсоветский период. Целью данной работы было не описание произошедших с общественно-

политическим вещанием перемен, но, скорее, выработка параметров для изучения этих изменений и современного состояния сегмента.

Исследователи оценивают современное общественно-политическое телевещание преимущественно по такому параметру, как зависимость/независимость его от государства. Согласно гипотезе, анализ как самого сегмента, так и произошедших с ним перемен не может ограничиваться исследованием лишь данного проблемного вектора. Отдельной самодостаточной работой должно стать выделение необходимого количества параметров, отражающих своеобразие контента, а также провоцируемые им медиаэффекты, соотнесенные с современной теорией коммуникации. Выбранные критерии могут быть использованы как ключевые точки для дальнейшего исследования общественно-политического телевещания, его роли в современном демократическом процессе, для поиска путей максимально эффективной реализации стоящих перед ним задач.

Под общественно-политическим телевещанием в данной работе мы понимаем зависимый от политической конъюнктуры сегмент вещания, «в который входят передачи, освещающие деятельность различных субъектов политической системы: исполнительной и законодательной ветвей власти, партийных и общественных организаций – и обеспечивающие коммуникацию между ними» (Долгова, 2016). Таким образом, в эмпирическую базу исследования входят телевизионные передачи общественно-политической направленности и новости. В ходе пилотного исследования будут проанализированы программные верстки главных телеканалов в 1971 и в 2018 гг., а также информационные выпуски прайм-тайма телеканалов большой тройки за три недели до президентских выборов 2018 г.

Для реализации поставленной задачи будут рассмотрены наиболее популярные теории коммуникации и исследования медиакомпаративистики (Lasswell,1948; Лассуэлл,1948; Сиберт, Шрамм, Питерсон, 1998; McQuail, 2010; Hallin & Mancini, 2004; Norris, 2011) – с целью выявления параметров для анализа трансформаций и актуального функционирования общественно-политического телевизионного вещания. Данные характеристики затем будут уточнены исходя из особенностей поля исследования и систематизированы в виде таблицы. Выделенный спектр параме-

тров, на наш взгляд, должен расширить представления о проблемах, стоящих перед общественно-политическим телевещанием, что продемонстрирует и пробный анализ выборочных критериев.

Общественно-политическое телевещание: факторы трансформации

Становление общественно-политического телевещания, как и многих других тематических сегментов современного телевидения, произошло на этапе зарождения телевизионной журналистики, совпавшем с советским периодом истории нашей страны. Общественно-политическое телевещание тогда являлось важнейшим и выполняло пропагандистские задачи управления массовым сознанием, обеспечивая стабильное функционирование существующей политической системы.

Изменения, произошедшие в структуре, стилистике и функциональной специфике данного сегмента, как и во всей медиасистеме, были связаны с трансформационными процессами в политике и экономике страны (Вартанова, 2014; Засурский, 2004), завершившимися ликвидацией существовавшего строя и, как следствие, системы государственного телевидения. Сложность анализа политической коммуникации в новых условиях была связана с категорическим отказом от всех реалий советского периода и слепым копированием западной модели. Вместе с позитивными нормами новой модели были скопированы и многие ее негативные черты, в частности зависимость политической коммуникации от бизнеса (Борецкий, 2003; Засурский, 1999). Достаточно быстро стало понятно, что полностью отказаться от некоторых элементов советского телевидения, например управленческой, пропагандистской функции, невозможно, а часто и нецелесообразно.

Политические перемены в России совпали по времени с общемировыми трансформационными процессами в медиаотрасли и с информационной революцией, что значительно усложнило формирование сбалансированного отношения к общественно-политическому вещанию. Как в России, так и за рубежом авторы, анализирующие данный тематический сегмент, руководствуются нормами, сформулированными в совершенно иных условиях, – например, теория «четвертой власти» (Kuhn and Nielsen (eds.), 2013). Обращение телевидения к самому широкому сегменту зрителей подразумевает высокую степень ответственности, позволяя

решать те задачи, которые не стояли во времена Эдмунда Берка и Томаса Маколея, – в частности, проблему аполитичности современного зрителя-избирателя.

Другим важным вызовом современного телевещания становится развитие новых технологий и борьба телевидения за право оставаться самым оперативным и популярным носителем информации для всех категорий аудитории. В данной ситуации Интернет оказывается не только конкурентом, но и помощником современного общественно-политического вещания – в реализации задачи демократизации политического процесса, предоставляя зрителям возможность обратной связи (Коханов, 2015). Кроме того, если расширять понимание телевидения до любого видеоконтента, в том числе распространяемого через Сеть (Коломиец, 2014: 73), то содержание общественно-политического телевещания окажется гораздо менее контролируемым со стороны бизнеса и власти.

Таким образом, трансформационные процессы в общественно-политическом телевещании были обусловлены как внутренними, так и внешними факторами. С одной стороны, перемены в данном сегменте были вызваны политическими и экономическими событиями, произошедшими на постсоветском пространстве. С другой стороны, они были обусловлены влиянием на современную политическую коммуникацию продолжающейся информационной революции и процесса глобализации.

Выделение потенциальных параметров анализа

Стремясь классифицировать отношения к темам власти и неравенства в существующих медиатеориях, Д. МакКуэйл использовал линейную модель коммуникации Г. Лассуэлла (1948), выделив для описания «модели доминирования» и «плюралистической модели» следующие параметры: социальные силы, медиа, продукция, содержание и мировоззрение, аудитория и эффекты (McQuail, 2010: 77). По мнению Е. Дьяковой, «имеющийся комплекс медиаисследований описывается с помощью выделенных Д. МакКуэйлом моделей достаточно точно», если не считать Торонтскую школу, которая данной темы избегала (Дьякова, 2002: 39).

Стоит отметить, что Д. МакКуэйл систематизировал исследования по политической коммуникации, а не саму медиареальность. Однако именно приложение данной схемы к трансформацион-

ным процессам в отечественном общественно-политическом телевещании свидетельствует о ее применимости и к анализу медиадействительности[1]. Используя формулу Лассуэлла, автор статьи исследовал изменения в технологиях пропаганды с 1985 по 2002 гг. Выделенные выше параметры были дополнены такими, как роль государства, контроль над политической ТВ-информацией, цель пропаганды, политика против инакомыслящих (Долгова, 2002). Анализ демонстрировал присутствие политической пропаганды в течение всего изучаемого периода, а также ее эволюцию от более авторитарной модели к более демократичной. Данный анализ не может быть применим в нашей работе, так как сконцентрирован лишь на пропагандистских передачах общественно-политического вещания; кроме того, выделенные характеристики ограничивали проблемы общественно-политического сегмента вопросом поиска независимости от власти.

Существование в исторической ретроспективе нашей страны совершенно иной медиасистемы позволяет использовать для выявления параметров анализа характеристики, используемые в компаративистских исследованиях. Обратимся к представителям трех поколений медиакомпаративистики.

В классификации медиасистем, ставшей основной в XX в. (Сиберт, Шрамм, Питерсон, 2004), советская теория прессы, а с ней и советское общественно-политическое телевизионное вещание, занимало свое, хоть и не очень привлекательное, но законное место. Советскую систему СМИ авторы «четырех теорий» сравнивали с авторитарной концепцией, одновременно отмечая значительную «ответственность» советских журналистов. В качестве основного параметра анализа были выделены взаимоотношения государства и массовых СМИ.

После падения Берлинской стены, распада социалистического лагеря и изменения общественного устройства СССР потребовался пересмотр как самой концепции, так и места в ней медиасистемы, принадлежащей новому постсоветскому государству. Решить эту задачу в рамках уже несуществующей парадигмы кажется проблематичным. Кроме того, вследствие сильной идеологизированности теории американских авторов и отсутствия четко обозначенного спектра критериев для сравнения, современную российскую медиасистему и общественно-политическое вещание России можно отнести к любой из оставшихся моделей – в зависимости от взглядов исследователя.

По мнению Халина и Манчини, авторы четырех концепций прессы, по сути, не анализировали ни связь между медиасистемой и социальной системой, ни ее функционирование, но были ориентированы на теорию, которая их легитимизирует (Hallin, Mancini, 2004: 9). Их собственная трехчастная концепция считается непригодной (хотя и используется) для анализа постсоветского пространства, так как ориентирована на классификацию сложившихся демократий. Авторы выделяют четыре параметра сравнения: степень вмешательства государства в систему СМИ, степень политического параллелизма, историческую специфику развития медиарынка, степень журналистского профессионализма. Изучение поляризованной плюралистической медиасистемы позволяет найти в ней много общих черт с современной медиасистемой России (Hallin, Mancini, 2004).

Проблемой большинства сравнительных работ, считает С. Бодрунова, продолжает оставаться сильная ориентация на либеральной идеал. Например, в упомянутом выше исследовании Халина и Манчини «демократический вектор определен единственной социальной функцией медиасистемы – функцией «сторожевого пса демократии»» (2015: 50). Кроме того, как было отмечено выше, либеральный идеал мало достижим для телевидения, с его высоким манипулятивным потенциалом.

Критики концепции Халина и Манчини предлагают выделять больше критериев и формулировать их более конкретно. В качестве таковых Норрис предлагает следующие параметры: коммуникационная структура; структура медиасобственности[2]; нормативно-правовая база, а также практика ее реализации; профессиональные навыки журналиста (доступность тренингов, профессиональная этика); содержание новостных медиа (разнообразие взглядов и интересов в обществе, реализация широкого спектра функций); медиаэффекты (теория повестки дня, теория фреймов, теория прайминга и пр.) (Norris, 2011). Стоит обратить внимание, что предложенные параметры фактически являются характеристиками классической коммуникационной модели Лассуэлла: кто (профессиональные навыки журналиста), что (содержание новостных медиа), с каким эффектом (медиаэффекты). Также появляется такой параметр, как институциональная структура (в каких условиях), в которой ведется общественно-политическое вещание. К этой категории может быть отнесено описание нормативно-правовой базы, а также практики ее реализации; коммуникативной структуры, т. е. доступности для аудитории различных источников информации.

Такую категорию, как аудитория, Норрис опускает. Тем не менее, на наш взгляд, телевизионная аудитория, безусловно, должна стать одной из основных категорией исследования. Причем важно как отношение к аудитории субъектов, влияющих на производство телепередач или производящих их, так и отношение аудитории к контенту общественно-политического телевизионного вещания. Включение аудитории как активного субъекта превращает предложенную концепцию из линейной в нелинейную, т. е. в коммуникационную цепочку с обратной связью. Именно данный параметр позволит судить о достижении целей коммуникатора.

Норрис опускает в перечне описание субъектов, желающих повлиять на содержание общественно-политического блока. Однако данная категория – назовем ее *шумы*, или *помехи*, в коммуникационной цепи – весьма важна для российской политической журналистики в исторической ретроспективе и существующей медиапрактике.

Авторы используют различные наименования для элементов, характеризующих современные медиасистемы. Одновременно при достаточно полном и разнообразном спектре выделяемых параметров указанные категории соотносятся с элементами коммуникационной цепочки, которая в данной работе будет представлена в следующем виде (см. табл. 1).

Таблица 1

Схема коммуникационной цепочки

В каких условиях	Кто	Что	Помехи	Кому	С каким эффектом

Матрица исследования общественно-политического телевещания: уточнение параметров

Выстраивая собственную матрицу исследования, мы будем основываться на выделенных ранее параметрах. Однако отмеченные характеристики были использованы авторами для анализа медиасистем, тогда как в данной работе речь идет лишь о тематическом сегменте телевизионного вещания. Именно поэтому так важно уделить внимание содержанию общественно-политического вещания, которое аккумулирует влияние других характеристик.

Разноаспектная характеристика каждого из параметров позволит более точно описать произошедшую с общественно-политическим телевещанием трансформацию и его современное состояние. Предложенные в таблице 2 параметры призваны описать сегмент как коммуникационную деятельность по предложенной выше схеме.

Таблица 2

Параметры анализа

Элементы коммуникационной цепи	**Параметры анализа**	
В каких условиях функционирует общественно-политическое телевещание?	коммуникативная структура	доступность телеканалов
		доступность источников информации, предлагающих альтернативную точку зрения
		доступность других источников информации
	нормативно-правовая база	законодательные нормы
		практика их реализации
	структура собственности на телеканалы	
	историческая специфика развития медиарынка	
	степень политического параллелизма	
Кто?	профессионализм журналистов/ редакторов	принятые этические нормы
		существующая практика соблюдения этических норм
		стремление журналистов следовать общепринятым этическим нормам
		понимание собственных задач
		отношение к самоцензуре, скрытой цензуре.

Окончание таблицы 2

Шумы (кто пытается влиять на контент?)	действующая власть	способы влияния
		объекты влияния
	политическая элита	способы влияния
		объекты влияния
	спонсоры	способы влияния
		объекты влияния
	группы влияния	способы влияния
		объекты влияния
Что?	содержание передач общественно-политического блока	функции
		спектр представленных мнений
		жанрово-форматная структура
		виды тематик
		стиль подачи
		удельный вес сегмента
		место в программной сетке
С каким эффектом?	медиаэффекты	формирование повестки дня
		прайминг
		возможность создания дискуссионной площадки
Кому?	активная аудитория	вовлечение аудитории в дискуссию в программах
		влияние аудитории на дискуссию в программах
		значение рейтингов программ для размещения их в программной сетке
		способы потребления телевизионного контента аудиторией (линейный/нелинейный)
		интерес аудитории

Первая группа характеристик описывает условия, в которых функционирует общественно-политическое телевещание. Сюда мы можем отнести такие параметры, как коммуникативная структура, нормативно-правовая база, форма собственности. К данному разделу можно добавить также характеристику исторической специфики развития медиарынка, степени политического параллелизма.

Рассуждая о профессионализме журналистов, Норрис отмечает такие факторы, как профессиональная этика и доступность программ повышения квалификации (Norris, 2011). На наш взгляд, более продуктивно для современной российской медиапрактики дробление данного параметра на следующие аспекты: наличие профессиональных стандартов, этических норм, зафиксированных в документах, практика реализации профессиональных стандартов, принятие профессиональных стандартов журналистским сообществом. Необходимо исследование понимания журналистами функциональной специфики своей работы, а также их отношения к скрытой цензуре и самоцензуре.

Зависимость общественно-политического телевещания от различных политических сил и бизнес-элиты представлена категорией «субъекты, влияющие на контент»: действующая власть, политическая элита в виде экспертного сообщества и оппозиционных сил, спонсоры или представители бизнеса, а также группы влияния (церковь, НКО и др.). В каждом случае необходимо исследование объектов и способов влияния.

Многоаспектной представляется такая категория, как содержание общественно-политического блока. Здесь важно проанализировать функции общественно-политического телевещания (как понимают их главные редакторы и журналисты), спектр представленных в телевизионных материалах мнений, стиль подачи информации, удельный вес данного тематического сегмента в общем объеме вещания, место в программной сетке, жанрово-форматную структуру сегмента. Содержание общественного политического телевещания, цели, которые ставят перед собой авторы, качество текста в широком понимании этого слова — та группа параметров, которая может влиять на эффективность медиадеятельности по демократизации современного российского общества.

В категории *медиаэффекты* исследуются как прогнозируемые, так и нежелательные последствия восприятия сообщений общественно-политического блока телевизионной аудиторией: прайминг, создание необходимой повестки дня и др.

Как отдельная категория исследования представлена аудитория, по отношению к которой должны анализироваться такие аспекты, как интерес к сегменту, возможность влияния аудитории на общественно-политическое вещание (значимость рейтингов, использование интерактивных технологий в телевизионных передачах).

Пилотный анализ параметров

Рассмотрение общественно-политического вещания по выделенным параметрам не является целью данной статьи, так как изучение каждой категории может стать самостоятельным исследованием. Одновременно можно говорить о том, что даже выборочный анализ некоторых характеристик будет свидетельствовать о значительном спектре внутренних проблем, которые по разным причинам умалчиваются современным научным сообществом.

Формально общественно-политическое вещание сегодня функционирует в совершенно иных условиях, чем это было в советский период. Современная медиасистема России предполагает многообразие форм собственности на СМИ, в том числе и на телевидение (в России существуют как государственные, так и частные и общественные телеканалы), телевизионные журналисты руководствуются новой нормативно-правовой базой.

Вместе с тем в общественно-политическом контенте, достаточно похожем на разных каналах, эксперты находят приметы преемственности политической тележурналистики советского периода, в частности явления скрытой цензуры и умалчивания (например, Ершов, 2012: 13). Данные характеристики входят в проблемное поле зависимости/независимости телевидения от государства и правящей элиты, а параметры для его анализа можно найти в разных частях предложенной таблицы 2.

Обратимся к такому критерию, как спектр представленных мнений. Анализ информационных программ прайм-тайма каналов большой тройки («Первый канал», «Россия 1», НТВ) в течение трех недель, которые предшествовали президентским выборам 2018 г., показал, что парламентская оппозиция не упоминалась в этих программах (за исключением предвыборного блока), непарламентская оппозиция упоминалась единожды – в день годовщины смерти российского политического деятеля, оппозиционера Б. Немцова. Оппозиционные акции центральными телеканалами также часто не освещаются (как, например, это было с антикоррупционным митингом 26 марта 2017 г.).

Однако можно утверждать, что специфика открытого информационного общества не позволяет оставить невыгодные – для власти, бизнеса – темы за кадром. Например, умалчивание телеканалами упомянутого антикоррупционного митинга стало самостоятельным информационным поводом и активно обсуждалось в СМИ, и уже на следующий день пресс-секретарю президента Дмитрию Пескову пришлось комментировать ситуацию.

Современный телевизионный эфир можно назвать чрезвычайно политизированным. Является ли это традицией, унаследованной от советского периода, поможет выяснить анализ программных верстов телеканалов ЦТ в предпрайм и прайм-тайм в 1971 г. и телеканалов большой тройки весной 2018 г.

Таблица 3

Верстка общественно-политических телепередач в предпрайм и прайм-тайм весной 2018 г. (3 апреля, вторник)

<table>
<tr><th>Время</th><th>Первый канал</th><th>«Россия 1»</th><th>НТВ</th></tr>
<tr><td>16.30</td><td rowspan="3"></td><td rowspan="3"></td><td rowspan="5">«Место встречи»</td></tr>
<tr><td>16.40</td></tr>
<tr><td>16.50</td></tr>
<tr><td>17.00</td><td rowspan="5">«Время покажет»</td><td rowspan="3">«Вести»</td></tr>
<tr><td>17.10</td></tr>
<tr><td>17.20</td><td rowspan="4">«ДНК»</td></tr>
<tr><td>17.30</td></tr>
<tr><td>17.40</td><td>«Вести. Местное время»</td></tr>
<tr><td>17.50</td></tr>
<tr><td>18.00</td><td rowspan="3">«Вечерние новости»</td><td rowspan="7">«Андрей Малахов. Прямой эфир».</td></tr>
<tr><td>18.10</td><td rowspan="3">Х/ф «Морские дьяволы. Северные рубежи»</td></tr>
<tr><td>18.20</td><td rowspan="3">«Время покажет»</td></tr>
<tr><td>18.30</td></tr>
<tr><td>18.40</td></tr>
<tr><td>18.50</td><td rowspan="5">«На самом деле»</td><td rowspan="5">«60 минут»</td></tr>
<tr><td>19.00</td><td rowspan="3">«Сегодня»</td></tr>
<tr><td>19.10</td></tr>
<tr><td>19.20</td></tr>
<tr><td>19.30</td></tr>
<tr><td>19.40</td><td rowspan="7">«Пусть говорят»</td><td rowspan="6">«Вести в 20.00»</td><td rowspan="6">Х/ф «Морские дьяволы. Северные рубежи»</td></tr>
<tr><td>19.50</td></tr>
<tr><td>20.00</td></tr>
<tr><td>20.10</td></tr>
<tr><td>20.20</td></tr>
<tr><td>20.30</td></tr>
<tr><td>20.40</td><td rowspan="2">«Вести. Местное время»</td></tr>
<tr><td>20.50</td></tr>
<tr><td>21.00</td><td>«Время» (до 21.35)</td><td>Т/С «Одна жизнь на двоих»</td><td>Т/С «Живой»</td></tr>
</table>

Таблица 4

Верстка телевизионных программ в предпрайм и прайм-тайм осенью 1971 г.[3] (2 ноября, вторник)

Время	Первая программа	Вторая программа	Четвертая программа
17.00	«Новости»		
17.10	«Костер». Пионерский телесборник		
18.35	«Плакаты художника Д. Моора». Телеочерки		
18.10	Для детей «Козленок, который считал до десяти». Мультфильм	«На московской орбите»	
18.30	«Ленинский университет миллионов». «О социалистической демократии». Ответы на вопросы телезрителей	Для школьников/ «Творчество юных».	
19.00	Концерт Государственного хореографического ансамбля «Березка»	Фильм детям. «Тореадоры из Васюков».	«Творческий вечер Московского театра сатиры».
19.45		19.45. Вечер научного кино.	
19.50	«Секретарь парткома», х/ф		
20.35		Концерт. Передача из Свердловска.	
21.00	«Время»	21.05 «Рабочий». Тележурнал.	
21.30	«Московские поэты у рабочих ЗИЛа».	21.35 «Господин Никто», х/ ф.	21.45 А. Хачатурян.– Три концерта – рапсодии для скрипки, виолончели и фортепьяно с оркестром.

Таблицы наглядно демонстрируют, что политизированность эфира даже несколько возросла по сравнению с 1971 г., а общественно-политическое вещание стало значительно разнообразнее. Обращаясь к количественным показателям, можно отметить, что в случайный день 1971 г. общественно-политическое вещание на первой кнопке занимало 23% эфирного времени предпрайма и прайм-

тайма, тогда как весной 2018 г. на «Первом канале» – 48%[4], 60% – на телеканале «Россия 1», хотя на телеканале НТВ – лишь 13%.

Позитивная или негативная коннотация параметров анализа не может быть определена однозначно. Например, программирование в прайм-тайм новостных выпусков можно рассматривать как доступность политической информации для граждан, с одной стороны, и как навязывание определенной повестки дня (не связанной с частными интересами граждан) – с другой.

Предположим, что меньший удельный вес общественно-политического телевещания в предпрайм и прайм-тайм на советском телевидении связан с общей идеологизированностью всего эфира, даже передач для школьников и молодежи. Советским телезрителям не было доступно современное многообразие источников информации. Сегодня можно потреблять видеоинформацию общественно-политической тематики не только посредством телевизора, но и в Сети, которая пока считается менее зависимой от власти и бизнеса. Меняются и качественные характеристики телезрителей: происходит старение аудитории (Полуэхтова, 2015), молодежь уходит в Интернет, и не всегда в поисках общественно-политической информации. Проблема политической информированности молодых и аполитичных категорий граждан остается значительной проблемой современных политических систем (например, Esser at al, 2012).

Исследование жанрово-форматной структуры общественно-политического вещания свидетельствует об обращении телевизионных авторов к диалоговым форматам с использованием интерактивных элементов, предполагающих участие аудитории в дискуссии (или иллюзии дискуссии). Значительная доля программ формата ток-шоу в современном общественно-политическом блоке свидетельствует об актуальности тенденции к развлекательности (см. табл. 3). Передачи в стиле *политейнмент* преподносят серьезную информацию более доступным для зрителей способом, однако такой стиль подачи контента ставит вопрос о качестве политического информирования граждан и о доверии зрителей к таким передачам (например, Prior, 2003; Higgins et al., 2012).

На наш взгляд, одним из перспективных направлений анализа общественно-политического вещания является использование интерактивных технологий, создающих иллюзию публичной сферы в различных телепрограммах (например, Higgins, 2008), а также

выявление способов максимально эффективного включения телезрителя в коммуникационную цепочку.

Исследование даже выборочных показателей трансформации демонстрирует, с одной стороны, стабильно важное место общественно-политического телевещания в системе политической коммуникации России, с другой – подвижность состояния изучаемого явления, эволюция которого ставит перед ее участниками новые задачи.

Выводы и дискуссия

Данная статья направлена на выявление факторов, параметров и проблем трансформации общественно-политического вещания. Как и ожидалось, проблематика, связанная с современным состоянием сегмента, несколько шире дилеммы зависимость/независимость от правящей элиты или даже бизнеса. Для того чтобы описать произошедшие изменения, целесообразно выделить широкий спектр параметров для сравнения. Помимо традиционно выделяемых характеристик, соотносящих существующую практику политической тележурналистики в России с нормативными концепциями СМИ (коммуникативная структура, нормативно-правовая база, структура собственности, профессионализм журналистов), необходима также группа параметров, касающихся содержания и провоцируемых телевидением эффектов (функциональная специфика, удельный вес данного тематического блока в общем объеме эфирной продукции, место общественно-политических передач в программной сетке, стиль подачи информации). Кроме того, принципиальным оказывается исследование роли аудитории – как субъекта, не только воспринимающего политическую информацию с телевизионного экрана, но и стремящегося влиять на нее.

Исследование показало, что сложность изучения трансформационных процессов и современного состояния общественно-политического вещания в России связана с многофакторностью произошедших изменений, которые были обусловлены переменами в устройстве страны, а также эволюционным движением, происходящим в производстве, потреблении и изучении масс-медиа в мировом масштабе и обусловленным цифровой революцией и глобализацией.

Произошедшие изменения сделали актуальными для российского общественно-политического вещания такие проблемы, как

качество подачи информации посредством легких форматов, незаинтересованность зрителей в политической информации, традиционная для России зависимость общественно-политического вещания от правящей элиты. Одновременно в данной работе были намечены лишь реперные точки, скрупулезное изучение которых в дальнейшем помогло бы не только обозначить существующие в тематическом сегменте проблемы, но и наметить пути их решения.

Примечания

[1] Д. МакКуэйл справедливо отмечал условность данной схемы и большую вероятность встретить именно смешанные модели.

[2] Параметр *структура медиасобственности* характеризует, с одной стороны, институциональную структуру, с другой – субъектов, инициирующих создание общественно-политических передач и влияющих на них. В данной работе эта характеристика относится к первой категории. В качестве субъектов коммуникационной цепи выделены только журналисты и редакторы как главные акторы общественно-политического вещания.

[3] Телевизионная программа // Известия. 2 ноября. 1971.

[4] Безусловно, нельзя считать Первый канал или «Россию 1» правопреемниками первой программы телевидения СССР. Но в данном случае сравнивается количество общественно-политического вещания на телеканалах, которые считаются главными.

Библиография

Бодрунова С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дис. ... д-ра полит. наук. СПб, 2015.

Борецкий Р. А. Телевидение в социально-историческом контексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2003. № 3. С. 9–19.

Бережная М. А. Алгоритмы освещения социальных проблем на телеэкране // Извест. Уральск. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. Т. 62. №. 1–2. 2009. С. 167–172.

Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2014.

Гуленко П. В. Общественно-политическое ток-шоу на телеканале НТВ: проектирование формата // МедиаАльманах. 2016. № 4. С. 56–65.

Долгова Ю. И. Модели политической пропаганды на ТВ: выбор России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2002. № 1. С. 104–113.

Долгова Ю. И. Специфика и сущность понятия «общественно-политическое телевещание» // Медиаскоп. 2016. № 3.

Ершов Ю. М. Телевидение регионов в поиске моделей развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.

Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург: УрО РАН, 2002.

Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Засурский Я. Н. Искушение свободой: Российская журналистика: 1990–2004. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Новикова А. А. Современное телевизионное зрелище: истоки, формы и методы воздействия. СПб: Алетейя, 2008.

Ильченко С. Н. Политические игры современного шоу-бизнеса в телеэфире: дискурс манипуляции // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. №.5. С. 110–115.

Карпова А. Ю. Кризис системы общественно-политического вещания в России: маркеры и эффекты (на примере Томского телевидения) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2010. № 336. С. 35–37.

Коломиец В. П. Трансформация отечественного телевидения // Российский рекламный ежегодник 2013. М.: НИПКЦ Восход-А, 2014.

Коханов Е. Ф. Политические ток-шоу: диалогичность и интерактивность // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 1. С. 50–59.

Полуэхтова И. А. Как и что мы смотрели в 2014 г. // Искусство кино. 2015. № 4. С. 28–37.

Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998.

Dahlgren, P. (1995) *Television and the public sphere*. London: Sage.

Esser F. et al (2012) Political information opportunities in Europe: A longitudinal and comparative study of thirteen television systems. *The International Journal of Press/Politics* 17(3): 247–274.

Franklin B. (2004) *Packaging Politics: Political Communication in Britain's Media Democracy*. London: Arnold.

Hallin D. & Manchini P. (2004) *Communication, society and politics: comparing media systems: three models of media and politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Higgins, M. (2008) *Media and Their Public*. New York: McGraw-Hill: Open University Press.

Higgins, M., Montgomery, M., Smith, A., Tolson, A. (2012) Belligerent broadcasting and makeover television: Professional incivility in Ramsay's Kitchen Nightmares. *International Journal of Cultural Studies* 15(5): 501–518.

Lasswell H. D. (1948) The structure and function of communication in society in Bryson L. (ed) *The Communication of ideas*. P. 32–51. New York: Harper and Row.

McQuail D. (2010) *Mass Communication Theory*. 6th edition. London: Sage.

Norris P. (2011) Political communication in D. Caramani (eds) *Comparative politics*. P. 352–370. Oxford: Oxford University Press.

Kuhn, Raymond and Nielsen, Rasmus Kleis (eds.) (2013) *Political Journalism in Transition: Western Europe in a Comparative Perspective*. London: I. B.Tauris.

Prior M. (2003) Any Good News in Soft News*?* The impact of soft news preference on political knowledge. *Political communication* 20 (April/June): 149–171.

Notes

Televizionnaya programma. *Izvestiya*. 1971. 2 Nov.

References

Berezhnaja M. A. (2009) Algoritmy osveshhenija social'nyh problem na telejekrane [Algorithms for the Coverage of Social Problems on TV]. *Izvestija Ural'sk. gos. Un-ta: Serija 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury* 62(1–2): 167–172. (In Russian)

Bodrunova S. S. (2015) *Mediakratiya: SMI i vlast' v sovremennykh demokraticheskikh obshchestvah*: dis. ... dokt. polit. nauk. [Mediacracy: the Media and the Power in Modern Democratic Societies. Dr. polit. sci. diss.] St. Petersburg. (In Russian)

Boreckij R. A. (2003) Televidenie v social'no-istoricheskom kontekse [Television in the Socio-Historical Context]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 3: 9–19. (In Russian)

Dahlgren, P. (1995) *Television and the Public Sphere*. London: Sage.

Dolgova Ju. I.(2002) Modeli politicheskoj propagandy na TV: vybor Rossii [Models of Political Propaganda on TV: Russia's Choice]. *Vestn. Mos. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 1: 104–113. (In Russian)

Dolgova Yu. I. (2016) Specifika i sushnost ponyatiya «obshestvenno-politicheskoe televeshanie» [Specifics and Essence of the Concept of Socio-Political Television Broadcasting] *Mediaskop* 3. (In Russian)

D'jakova E. G. (2002) *Massovaja kommunikacija i vlast'* [Mass Communication and Power]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ. (In Russian)

Ershov Yu. M. (2012) *Televidenie regionov v poiske modelej razvitiya* [Regional Television in Search of Development Models]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Esser F. and al (2012) Political Information Opportunities in Europe: a Longitudinal and Comparative Study of Thirteen Television Systems. *The International Journal of Press/Politics* 17(3): 247–274.

Franklin B. (2004) *Packaging Politics: Political Communication in Britain's Media Democracy*. London: Arnold.

Gulenko, P. V. (2016) Obshhestvenno-politicheskoe tok-shou na telekanale NTV: proektirovanie formata [Socio-Political Talk Show on the NTV Channel: Format Designing] *Mediaal'manah* 4: 56–65. (In Russian)

Hallin D. & Manchini P. (2004) *Communication, Society and Politics: Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Higgins, M. (2008) *Media and Their Public*. New York: McGraw-Hill: Open University Press.

Higgins M., Montgomery M., Smith A., Tolson A. (2012) Belligerent Broadcasting and Makeover Television: Professional Incivility in Ramsay's Kitchen Nightmares, *International Journal of Cultural Studies* 15(5): 501–518.

Il'chenko S. N. (2016) Politicheskie igry sovremennogo shou-biznesa v telejefire: diskurs manipuljacii [Political Games of Modern Show Business on Television: Discourse of Manipulation]. *Gumanitarnyj vector* 11(5): 110–115. (In Russian)

Karpova A. Ju. (2010) Krizis sistemy obshhestvenno-politicheskogo veshhanija v Rossii: markery i jeffekty (na primere Tomskogo televidenija) [Crisis of the System of Socio-Political Broadcasting in Russia: Markers and Effects (on the example of Tomsk television)]. *Vestn. Tomsk. gos .un-ta* 336: 35–37. (In Russian)

Kolomiec V. P. (2014) Transformaciya otechestvennogo televideniya [Transformation of National Television]. In *Rossijskij reklamnyj ezhegodnik 2013*. Moscow: NIPKC Voshod-A Publ. (In Russian)

Kohanov E. F. (2013) Politicheskie tok-shou: dialogichnost' i interaktivnost [Political Talk Shows: Dialogueness and Interactivity]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* 4(1): 50–59. (In Russian)

Kuhn, Raymond and Nielsen, Rasmus Kleis (eds.) (2013) *Political Journalism in Transition: Western Europe in a Comparative Perspective*. London: I. B. Tauris.

Lasswell H. D. (1948) The Structure and Function of Communication in Society. In L. Bryson. (ed) *The Communication of Ideas*. P. 32–51. New York: Harper and Row.

McQuail D. (2010) *Mass Communication Theory. 6th Edition*. London: Sage.

Norris P. (2011) Political Communication in D. Caramani (ed.) *Comparative politics*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 352–370.

Novikova, A. A. (2008) *Sovremennye televizionnye zrelishha: istoki, formy i metody vozdejstvija* [Modern Television Spectacles: Origins, Forms and Methods of Influence]. St. Petersburg: Aletejja Publ. (In Russian)

Poluehtova I. A. (2015) Kak i chto my smotreli v 2014 g. [How and What We Watched in 2014]. *Iskusstvo kino* 4: 28–37. (In Russian)

Prior M. (2003) Any Good News in Soft News*?* The Impact of Soft News Preference on Political Knowledge. *Political communication* 20 (April/June): 149–171.

Siebert F. S., Peterson T. and Schramm W. (1998) *Chetyre teorii pressy* [Four Theories of the Press]. Moscow: Vagrius Publ. (In Russian)

Vartanova, E. L. (2014) *Postsovetskie transformacii rossijskih SMI i zhurnalistiki* [Post-Soviet Transformations of Russian Mass Media and Journalism]. Moscow: MediaMir Publ. (In Russian)

Zasurskij I. I. (1999) *Mass-media vtoroj respubliki* [Mass Media of the Second Republic]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Zasurskij Ja. N. (2004) *Iskushenie svobodoj: Rossijskaja zhurnalistika: 1990-2004* [Temptation of Freedom: Russian Journalism: 1990–2004]. Moscow: MGU Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
05.04.2018